

5. Демченко А. А. Из истории полемики Н. Г. Чернышевского с А. В. Дружининым // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Вып. 4. Саратов, 1965. С. 83–92.
6. Дружинин А. В. Прекрасное и вечное: сб. ст. М., 1988.
7. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX в. М., 1982.
8. Зельдович М. Г. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов и русская критика их времени // Зельдович М. Г. Творческое поведение. Ч. 2. Харьков, 2010. С. 608–661.
9. Иванов Ив. Писемский. СПб., 1898.
10. Лебедев Ю. В. Алексей Феофилактович Писемский. Жизнь. Творчество. Литературная судьба // Лебедев Ю. В. В середине века. М., 1988. С. 324–330.
11. Левкиевская Е. Е. Вихрь // Славянская мифология. М., 2002.
12. Оганян Н. С. Художественное своеобразие очерков и рассказов Писемского // Научные доклады высшей школы. Ереван: Филологические науки. № 6. С. 93–123.
13. Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского, подг. текста и примеч. М. П. Еремина. М., 1959.
14. Санд Ж. Ночные видения в деревьях // Современник. 1852. № 1. Отд. 4. С. 72–81.
15. Скафтымов А. П. Белинский и драматургия Островского // Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958.
16. Смирнова Ю. А. Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А. Ф. Писемского // Введение в литературоведение. М., 1999.
17. Тихомиров В. В. Русская литература 60-80-х годов XIX века в свете историко-функционального изучения. Иваново, 1988.
18. Филиппов Т. СОВРЕМЕННОСТЬ, Январь <1852> // Москвитянин. 1852. № 3. Отд. 5. С. 88.
19. Чернышевский Н. Г. Полно собр. соч.: в 16 т. М., 1948. Т. 4. С. 721.
20. Чешихин (Ветринский В. Е.). А. Ф. Писемский // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1909. Т. 3. С. 232–252.

УДК 821.161.1.09"18"

Е. В. Макарова

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
lata28@mail.ru*

ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ КНИГИ РАССКАЗОВ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

В книге рассказов «Записки охотника» система персонажей является одним из компонентов циклического целого. В статье рассматриваются группы или «гнезда» персонажей, существующих в произведении, выявляются их характерные черты, а также способы воплощения в них национального характера. Подробно исследуется центральный тип книги – народный романтический характер.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Записки охотника», книга рассказов, система персонажей, национальные особенности.

Ye. V. Makarova

*The Stoletovs Vladimir State University
lata28@mail.ru*

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN IVAN TURGENEV'S BOOK OF SHORT STORIES «A SPORTSMAN'S SKETCHES»

In the book of short stories «A Sportsman's Sketches», written by Ivan Turgenev, the system of the characters functions as one of the components connecting the whole text. The two groups of the characters are researched in the article, each character is a strong personality in Ivan Turgenev's text, but all of them have many traits in common, so we can distinguish types of the romantic or realist between them and learn those gestures of national character, which are focused in them.

Keywords: «A Sportsman's Sketches», short stories book, cycle, personality, national character.

Говоря в компонентах, связующих циклическое образование в единое целое в книге рассказов И. С. Тургенева «Записки охотника», стоит отметить систему взаимосвязанных мотивов произведения (охоты, природы, дороги), единый фокус рассказчика-повествователя,

заданные пространственно-временные ориентиры – изображение жизни русской провинции середины XIX века, и, несомненно, сложно выстроенную систему персонажей, охватывающую основные слои населения указанного промежутка времени.

По словам В. О. Ключевского, в первой трети XIX века происходили процессы самоидентификации европейских народов, в которые органично вписывалась и Российская Империя. С попыткой трактовать национальный характер связана проблематика «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847 г.) Н. В. Гоголя, ответное письмо В. Г. Белинского, наконец, «Философические письма» П. Я. Чаадаева. Первое философическое письмо, опубликованное в 1836 году в журнале «Телескоп», положило начало полемики между двумя сформировавшимися идейными направлениями. Указанные произведения были важными звеньями полемики между западниками и славянофилами, равно как и оказали определенное влияние на раннее творчество И. С. Тургенева, совпали со временем создания «Записок охотника».

Полемика между западниками и славянофилами затрагивала как вопрос осмысления русской истории, так и проблему выбора национального пути. Первые произведения И. С. Тургенева появились в разгар журнальной борьбы между двумя направлениями. Молодой писатель сразу был причислен к лагерю западников: «Никто не испытал на себе полнее и болезненнее действие этой перестрелки между двумя центрами нашего развития, как И. С. Тургенев, очутившийся в среде их, когда явился из-за границы, выступив вскоре потом и на литературное поприще с поэмой “Параша” (1843 год). Заподозрив в нем с первых же шагов истого западника, партия, недружелюбно смотревшая на образцы чуждого воспитания и развития, словно задалась мыслью собрать как можно более помех на его жизненном пути... О произведениях Тургенева до “Записок охотника” иначе и не говорилось, как о чудовищностях западного развития, пересаженных, без всяких признаков таланта, на русскую почву» (1, 217).

Однако и в самих «Записках охотника» находим отражение некоторых идей, близких западническому мышлению. К примеру, крестьянин Хорь в первом рассказе книги становится образцом индивидуального, рационального хозяина. Герой живет в отдалении от деревни, в лесу, полагается только на свои силы, поддержку сыновей. Схожим с ним по типу характера является рассудительный однодворец Овсянников в одноименном рассказе – в чертах характера этих персонажей подчеркивается рассудительность, разумность, самостоятельность. Хорь заявлен как индивидуальный хозяин, хозяин-фермер по типу западного. Он лишен независимости, но в этом видит пользу, на вопрос охотника, почему он не хочет освободиться от крепостного гнета, герой отвечает: «Теперь я своего барина знаю и оброк свой знаю» (4, 12). Пример разумного единоличного (не общинного) хозяина для автора является положительным образцом, более того, как указывает писатель, образцом национального типа; в сравнении крестьянина Хоря с Петром I Тургенев замечает: «Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя» (4, 16).

Реформы Петра I были краеугольным камнем в полемике двух направлений: западники мыслили их началом верных перемен, славянофилы видели причины утраты духовного единства, родства всех сословий. В книге нет места народной массе: в каждом из героев автор видит индивидуальность, будь то мальчики у костра в рассказе «Бежин луг» или ярмарка в уездном городе Лебедянь.

Однако характеры, подобные крестьянину-рационалисту Хорю, становятся лишь частью общей картины, воссоздающей национальный характер во всей его сложности, неоднозначности – особая роль в книге отведена героям-народным романтикам, к ним можно отнести Калиныча («Хорь и Калиныч»), Касьяна («Касьян с Красивой Мечи»), Ермолая («Ермолай и мельничиха»), Бирюка («Бирюк»), Лукерью («Живые мощи»). Интересно, что бесприютность и неприспособленность к жизни, неумение приживаться на одном месте вместе с от-

сутствием прочных корней выделял как качества типично национальные П. Я. Чаадаев в первом «Философическом письме». «Все словно на перепутьи. Ни у кого нет определенного круга действия, нет ни на что добрых навыков, ни для чего нет добрых правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что бы привязывало, что пробуждало бы ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного; все исчезает, все течет, не оставляя следов ни вовне, ни в вас» (5, 19). Подобная характеристика касается всех сословий, как нельзя лучше определяет сущность характера помещика Петра Петровича Каратева – героя, вмещавшего, по Тургеневу, тип «русака» (таким было черновое заглавие рассказа об этом персонаже). В нем та же неприютность сочетается с типично русским размахом, страстностью природы: «Люблю... покуражиться», – говорит Каратаев охотнику. Герой рассказа влюбился в чужую крепостную крестьянку, не смог ее выкупить и тайно вывез к себе в имение, ряд событий рассказа фактически приводят к гибели девушки. Не находя себя в деле, не желая и не умея обременять себя хозяйственными вопросами, он решает уехать в Москву – в дороге знакомится с охотником. В эпизоде второй встречи героев мы видим Каратаева в одном из ресторанов Москвы, где он с упоением цитирует охотнику монолог Гамлета: ранимая и страстная натура героя снова проявляет себя, однако здесь же сохраняется и углубляется обусловленная отсутствием «корней» неприспособленность к делу.

Действие внутренних сложных законов, колоссальной силы, направленной в конечном итоге на разрушение (ср. с героями Ф. М. Достоевского) обнаруживается и в характере другого потомственного дворянина, помещика Чертопханова («Чертопханов и Недопоскин», «Конец Чертопханова»). Если Каратаев растрчивает свою жизнь в ресторанах Москвы, то Чертопханов слишком горд для этого. Характер его соединяет в себе силу и страстность, которые разрушают все на своем пути, вплоть до самого себя. История Чертопханова не могла не окончиться трагедией: несоизмеримость, несопоставимость личности в высшей степени гордой на руинах сначала, в первом рассказе («Чертопханов и Недопоскин»), собственных владений (имение находится в полном запустении), потом – собственных чувств: уход любимой им цыганки Маши воспринимается героем как предательство, провоцирует «падение», личностный слом, который ведет к самоуничтожению. Чертопханов патологически не может причинить никому зла, момент детально рассматриваемого автором в повести «Конец Чертопханова» «падения» – гибели предельно честной и гордой личности, где даже центральная сцена рассказа – убийство Чертопхановым любимого коня – это, прежде всего, «убийство себя», своих чувств.

Тургеневское преувеличение, выпуклое изображение национальных черт в героях книги намечает вполне свойственные крайности. Так, дворянин Чертопханов ни на миг не мог подчиниться кому бы то ни было, в то время как герои-крестьяне (мельничиха Арина, Степушка, Туман, Лукерья) привыкли находиться в подчинении и не видят для себя иного выхода. Образ буфетчика Васи, наказанного за мелкую провинность в рассказе «Два помещика», равно, как и диалог охотника с крестьянином по прозвищу Сучок в очерке «Льгов» (герой был то рыболовом, то поваром, то кучером в зависимости от требований новых помещиков) подтверждают мысль П. Я. Чаадаева: «Горе народу, если рабство не смогло его унижить, такой народ создан, чтобы быть рабом» (5, 173).

Чаадаев же указывает на подражание другим нациям как на типично русскую черту. Примеры подобного слепого подражания видит тургеневский рассказчик в манерах помещика Пеночкина («Бурмистр»), у которого «дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски», усадьбе госпожи Лосняковой, которая была сделана «в новом вкусе» («Контора»).

Несомненно, выдающимся национальным качеством становится стихийная сила, соединенная с природным талантом. Широта и укорененность этих двух качеств сопоставимы с образами леса и степи, переходящими из рассказа в рассказ в тургеневской книге. Крестьянские

образы сопрягаются, сопоставляются с картинами русской природы, через природу объясняется и наличие таланта в народе, и его специфика. Так же, как и природа является силой мистической, могущественной и до конца непостижимой, – подобно ей народный талант соседствует со стихийной, укорененной силой. Примерами в данном случае могут служить образы Якова Турка и Дикого Барина («Певцы») – участника соревнования певцов и главного судьи. В Диком Барине охотник видит отражение колоссальной природной силы, той, что сопоставима с преобразованиями Петра I: «Казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что сорвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся» (4, 218).

Не случайно в качестве «квинтэссенции русской души» Тургеневым была избрана народная песня. К примеру, А. Н. Радищев «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 г.) указывал: «Кто знает голоса русских песен, тот признается, что есть в них нечто, *скорбь душевную* означающее. Все почти голоса суть тону мягкого... В них найдешь *образование души нашего народа*» (курсив мой. – Е. М.) (3, 30). Через это «скорбное пение» Якова Турка Тургенев попытался раскрыть «загадочную русскую душу». Однако вторым важнейшим приемом, указывающим на национальный характер, становится композиционные слом рассказа – смешение прекрасной, загадочной и торжественной ночи и крика «Антопка-а-а... Тебя тятя высечь хочи-и-и-т» (4, 225), картин удивительного состязания певцов в притынном кабаке, минут общего единения и безобразной и бессвязной пьяной ночи.

Стихийное начало в национальном характер тесно связано с «недействительностью» рациональных законов, – отсюда вера русского человека в «авось». В очерке «Стучит!» герой, правивший повозкой, нерасторопный, невнимательный мужик Филофей, уснул ночью, проснувшись же, обнаружил себя и повозку посреди реки (прекрасная, волшебная картина раскрылась в этот момент перед рассказчиком), – тут же мужик объясняет охотнику, что лошади сами выведут, найдут дорогу вброд через реку. Рассказ «Стучит!» повествует о встрече охотника с «добрыми разбойниками» по дороге в Тулу. Характерный стук издавала повозка лихих людей, услышав его, охотник вынужден довериться слепому случаю. В результате, ситуация разрешается благополучно: повозка с разбойниками проезжает мимо охотника, – позднее рассказчик узнает, что на той же дороге в тот вечер простые путники были ограблены и убиты.

Очерк «Стучит!» так же, как и рассказы «Конец Чертопханова», «Живые мощи» были доработаны и добавлены Тургеневым в книгу «Записки охотника» в 70-х гг. XIX, почти через двадцать лет после ее первого издания. Автор указывает в них не просто на типичные русские черты: смирение Лукерьи из «Живых мощей», надежда на «авось» и вера в предопределение Филофея из очерка «Стучит!» и т. д. – но раскрывает качества уникальные, в которых проявляется истинная «русскость», отчасти отражая и идеи славянофилов. Так, Лукерья становится образцом высшей духовности, уже не разрушительной, как Дикый Барин или Чертопханов, но созидательной внутренней силы (ср. характер Платона Каратаева в «Воине и мире» Л. Н. Толстого). Героиня, бывшая до случившейся с ней внезапной болезни, одной из красивейших девушек деревни, не держит ни на кого и ни на что зла. Смирение Лукерьи перед той ситуацией, теми обстоятельствами, в которых она оказалась, кроткое терпение ее указывает на нравственные силы народа. В какой степени Чертопханов, Каратаев, Гамлет Василий Васильевич не могут осознать действительного положения, смириться с общим ходом вещей, в той же степени героиня рассказа смогла принять свою ситуацию, согласиться и примириться с ней. В диалоге с охотником проявляется уникальное свойство Лукерьи, приближающее ее к русским святым – это умение сохранять радость жизни, «теплота сердца».

Итак, система персонажей книги рассказов «Записок охотника» отражает актуальные для 30–50-х гг. XIX в. мысли об уникальном характере русского народа, некоем «строе русской души», вмещает в себя как западнические, так и славянофильские идеи. Важно отметить, что

книга Тургенева была быстро переведена на европейские языки (сначала на французский, вслед за тем на немецкий и английский), пользовалась большой популярностью на западе во второй половине века. Можно предположить, что «Записки охотника» положили начало формированию культурного феномена «загадочной русской души» в восприятии русской культуры на западе.

Литература

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989.
2. Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Часть третья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book7813/>.
3. Радищев А. Н. Сочинения. М., 1988.
4. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. писем в 30 т. Т. 3: Записки охотника. М., 1979.
5. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989.

УДК 821.161.1.09"18"

О. В. Белопухова

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
klepa3367@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА И Ф. ШИЛЛЕРА («ТЕКЛА»)

В статье рассматривается воздействие драмы Ф. Шиллера «Валленштейн» на становление оригинальной концепции любви в творчестве И. С. Тургенева, определяется взаимосвязь женских образов тургеневской прозы с образом шиллеровской Теклы.

Ключевые слова: творчество Ф. Шиллера, проза Тургенева, тема любви, женские образы у Тургенева.

O. V. Belopukhova

Nekrasov Kostroma State University
klepa3367@mail.ru

ON THE ISSUE OF CREATIVE CONNECTION OF IVAN TURGENEV AND FRIEDRICH SCHILLER («THEKLA – A PHANTOM VOICE»)

In the article is considered the influence of Schiller's drama «Vallenstein» upon the formation of conception of love in Turgenev's creative work. Woman's imageries in Turgenev's work are closely connected with romantic imagery of Schillers Tekla.

Keywords: creative work of Schiller; prose of Schiller; subject of love, woman's imageries in Turgenev's work.

В парижском архиве Тургенева сохранилась большая тетрадь, посвященная исключительно «Стихотворениям в прозе». Над авторским обращением «К читателю» в качестве эпиграфа цитировалась строка из стихотворения Шиллера «Текла». Русский писатель неоднократно обращается в своём творчестве к произведению Ф. Шиллера «Валленштейн», отсылая читателя к образам поэмы в разных контекстах, и образ Теклы, безусловно, имеет для него особое значение

Годы учения в Берлинском университете, проведённые в атмосфере русской студенческой колонии, знакомство со Станкевичем – эти факты биографии молодого Тургенева объясняют испытанное им глубокое влияние русско-немецкой философско-поэтической культуры конца 30-х годов, которую невозможно представить без Шиллера и его романтических героев. К этому времени относится знакомство Тургенева с Шиллером, немаловажную роль в восприятии которого сыграли и переводы Жуковского, которого пленял «чудный образ» Теклы. Песня Теклы «Тоска по милом» была знакома романтически настроенным молодым людям его поколения. Вот конец этой песни:

Но сладкое счастье не дважды цветет,
Пусть же драгое в слезах оживет!